

В школе № 31 пос. Краснобродский с 1998 г. существует литературный кружок «Стожары». СТОЖАРЫ — народное название звездного скопления Плеяды. Эти звезды, по преданию, покровительствуют талантам. В кружке под руководством учителя литературы А.А. Вагизовой ребята развивают свои творческие задатки, участвуя в выпуске школьной газеты, написании заметок, стихов, творческих работ, создании сценариев к видеофильмам и съёмках в них. Регулярно проходят встречи с местными поэтами, композиторами.

Пример ребятам подает учитель собственными стихами, статьями, претворяя в них свою, наработанную годами концепцию содержательно-эмоционального звучания слова. Стихи о родном крае, о Кузнецкой земле и ее людях, статьи о прославленных земляках созданы учителем в процессе творческой работы. Они не раз звучали в выступлениях агитбригады стожаровцев с целью показать славное прошлое и настоящее родной земли, пробудить в душах ребят и благодарных слушателей гордость, что они — достойные граждане России, истинные патриоты своего Отечества.

*Край Кузнецкий — поэма сибирской земли,
И тебе посвящаю я строки любви... —*

в этой методической копилке представлены творческие наработки руководителя школьного литературного кружка «Стожары» А.А. Вагизовой.

РАДИСТКА ВЕРА

Созинова Вера Ивановна, ветеран Великой Отечественной войны, почетный житель пос. Краснобродский. Боевые награды: орден Отечественной войны II степени, медали: «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и др. Трудовые: медаль «За охрану общественного порядка».

В поселке ее знали многие. Ее просто невозможно было не заметить — маленькую, полную, энергичную, в окружении дружинников с красными повязками, вмиг наводившую порядок в общественных местах. «Баба Вера», как ее все называли, была грозой хулиганов и нарушителей спокойствия граждан.

— С детства я была бедовая, — рассказывает Вера Ивановна о себе, — вихрь, комок энергии. А на коне верхом как мчалась — не угнаться!

Она любит вспоминать свою боевую юность. Открывает внушительный, увесистый альбом с фотографиями, и первый снимок сразу же поражает, приковывает внимание.

Австрия, весна 1945-го, венский парк. В первом ряду, в окружении десятков однополчан, над которыми высятся огромные клены, у памятника Штраусу застыла маленькая девушка в солдатской гимнастерке. Это черно-белая, хорошего качества, и все изображенное на ней выглядит величественным, монументальным: и деревья, и памятник, и застывшие в какой-то торжественной выправке от значимости момента фигуры и лица советских воинов-освободителей. И только маленькая солдатка Вера с задоринкой, с лукавинкой улыбается и непокорный светлый локон спадает со лба.

— Родилась я в Омской области в крестьянской семье. Отец инвалидом был, так что трудиться привыкли сызмальства, — продолжает свой рассказ Вера Ивановна. — А как на фронт рвались! Я в метриках год своего рождения с 1925-го на 23-й переправила, и с подружками-комсомолками написали заявления, прошли комиссию и на станцию. Мне тогда фактически только-только 16 исполнилось, была отличницей, надо было сдавать экзамены... Какой там!

20 мая 1942 г. вся наша деревня Исилькуль вышла провожать на станцию будущих фронтовичек. С музыкой провожали, с песнями...

Девчата направлялись поездом в Новосибирск, в школу радистов. По дороге в вагон еще поступали девушки, изъявившие желание добровольно пойти на фронт и направленные военкоматами на учебу.

— Всех девочек доставили на место назначения. А там комиссия строгая, отбирали самых-самых. Я все боялась, как бы в метриках у меня поправку не заметили. Все обошлось! Правда, одну девочку так и отправили назад домой — по состоянию здоровья.

Прошли месяцы учебы, и вот новоиспеченная радистка, отличница, ефрейтор 13-го полка связи Вера Сухомлинова в составе 5-го батальона отдельного запасного полка связи

попадает на фронт. Попадает в самое пекло: шли бои за Сталинград. Зима 1943 г. 9-й авиационный корпус 3-го Украинского фронта. Начало фронтовой биографии Веры.

— Миллерово бомбили каждый день. Работала на самолетно-бомбардировочной станции. Как немец запеленгует, приходилось срочно дислоцироваться. Спешно выезжали, убегали, маскировались в другом месте. Както ехали — первый эшелон бомбили, сразу 30 убитых. Пришлось идти 100 км пешком. Уши пухли от наушников, от морзянки.

Вот пожелтевшая от времени служебная характеристика старшего сержанта Сухомлиновой: «...радиотелеграфист 1-го класса, имеет награды за образцовое выполнение боевых заданий. Делу Ленина, Сталина и социалистической Родины предана. Политически грамотна».

— А я и на войне бедовая была, — вздыхает Вера Ивановна — Не боялась ничего. Страх за свою жизнь не было. Будто не со мной все происходит, будто наблюдаю со стороны бомбежки, обстрелы, пули — как будто ко мне это не имело отношения.

Сохранился ее боевой блокнот — три страницы записей мелким почерком. Здесь вся география Европы, все вехи боевого пути фронтовички: Молдавия, Яссо-Кишиневская битва, Румыния. Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия, Будапешт. Нахлынули воспоминания, Вера Ивановна перечисляет города, имена боевых друзей, реки, битвы, говорит без остановки, словно все происшедшее с ней было вчера. Люди, города, события далекой войны прочно запечатлелись в ее памяти вместе с родной и привычной морзянкой.

— Не было на войне ничего светлого. Да и не могло быть. Все светлое и хорошее было только тогда, когда война окончилась. Да что том говорить! И голод, и холод, да и питьевой воды не всегда хватало. Когда освобождали Тирасполь, Днестр был загружен человеческими трупами. Брали оттуда воду, кипятили, а там — осадок, слой останков. Пили прямо с лунок из-под копытцев, где животные след оставляли. Всего досталось, все испытали. И все равно была сумасшедшая, одержимая. Мины кругом, подвалы в воде, а шла как во сне, напролом.

Вера Ивановна вспоминает, как в одном из долгих переходов обморозила ноги, но в госпитале пролечилась совсем недолго: рвалась на фронт, к своим. Было все же светлое во фронтовой биографии Веры Сухомлиновой, была причина скорее возвратиться в свою часть.

— Со своим будущим мужем Николаем Созиновым познакомилась. Он тоже радист 1-го

класса. Нас, таких первоклассных радистов, было всего пять на весь выпуск. На фронте дружили. Он меня всюду охранял. Нравились друг другу. После Победы полгода еще стояли в Румынии. Там власть чуть ли не каждый день менялась, нужна была связь с Москвой. А в Бухаресте каждый день исчезали шоферы, регулировщики, был взорван аэродром. Только когда все наладилось, оформили документы — и домой, в Исилькуль, на родину.

В Красный Брод Вера Ивановна с мужем приехали в 1961 г. Вырастили дочь и двоих сыновей, подрастают 5 внучек, 3 правнука. Годы не изменили характер фронтовички: она и в мирное время была энергичной, напористой, деятельной. Работая в ПТУ дежурной по станции, организовала школу юного радиста. Во всем любила дисциплину и порядок. 14 лет проработала в опорном пункте, вместе с Н.А. Ивушкиной организовала добровольную дружину. Нарушители общественного порядка трепетали при появлении этой маленькой, боевой и бойкой женщины. Постоянно участвовала в работе комиссии рабочего контроля ПТУ, а за общественную деятельность была отмечена не раз на областном и союзном уровнях — 4 грамоты за отличную службу по охране порядка, множество благодарностей, московская медаль...

Фотография в венском парке у памятника Штраусу — одна из любимых у Веры Ивановны.

— А ведь у этого снимка трагический финал, — вдруг говорит фронтовичка, и в своем рассказе воскрешает тот далекий и памятный день. Высокие зеленые клены, яркое солнце, теплый весенний ветерок. Победа, впереди — мирная жизнь, потому так светлы и полны надеждой лица фотографирующихся. Щелчок затвора — снимок готов, но в следующую секунду кровь брызнула на гимнастерку Веры, и стоявший рядом высокий молодой капитан медленно сполз прямо на девушку. Чужое австрийское небо прощальным блеском отразилось в его неподвижных глазах.

— На руках у меня скончался, — фронтовичка пристально вглядывается в фотографию. — Так война преследовала нас по пятам. Это «кукушки» — немецкие снайперы-одиночки — мстили нам, победителями, брали на прицел лучших наших офицеров... Но фотография осталась, и запечатленные на ней все живы и счастливы. И из победной австрийской весны 45-го на нас весело смотрит задорная, неугомонная девчонка в солдатской гимнастерке — радистка 1-го класса Вера Сухомлинова.

СКАЗАНИЕ О МЕДСЕСТРЕ ЕВДОКИИ

Ветерану войны
Иващенко Евдокии Даниловне

Середина июня 1941 г. Зеленеющие поля пшеницы, луга с душистым разнотравьем. Щедрые потоки солнца льются с небес. Вдали — небольшой пограничный город Шацк. Западная Украина, теплый, цветущий край. По проселочной дороге, гордо восседая в седле ухоженной лошади, гарцует юная наездница. Она изящна, грациозна. Тонкая, прелестная, белокурая, с нежными чертами лица и глазами цвета майского неба, всадница напоминает принцессу из сказочного замка. Красавица эта — семнадцатилетняя Евдокия Сукач. Студентка Люблинского медицинского училища, приехавшая в родной Шацк на преддипломную практику. Комсомолка, активистка, отличница, спортсменка. Ее любимый предмет — латинский язык, любимое занятие — конный спорт. Латынью Евдокия владеет в совершенстве. Завороженная однажды звучанием незнакомых слов, она полюбила латинский навсегда и изучала его настойчиво, восторженно, с упоением. Лошади же для девушки — самые благородные животные, она восхищается их силой, изяществом линий, движением.

Всадница, пришпоривая коня, несется вдоль дороги, и светлые локоны развеваются на ветру. Что отражается в глазах твоих, Евдокия: кусочек ли неба, или букет незабудок, или речная гладь? Кажется, что сюда попала девушка случайно и через мгновение юная красавица вернется в свой привычный мир и, легко скользя по паркету роскошного зала, закружит в вихре бального танца, блистая улыбкой, нарядом, обаянием. Но это только кажется. А на деле хрупкая, нежная, похожая на принцессу Евдокия — обычная девушка, живущая в огромной державе, имя которой — Советский Союз. Обыкновенная девушка с не-

обыкновенно красивой внешностью. Умная и добрая. Впереди — диплом, солнечное лето, любимая работа, новые люди, встречи. И надежды, надежды, надежды... Может, где-то рядом ходит ее суженый. Красавица Евдокия мчится верхом навстречу своему счастью.

Грозные раскаты войны перевернули юную судьбу. Она приготовила для нее совсем другие испытания — на выносливость. Преддипломная практика в родном городе Шацке.

21 июня вечером Евдокия с подругами сходила в кино. Шел фильм «Ленин в Октябре». Погуляли по ночному городу, вернулись домой и, устроившись на сеновале, уснули как убитые. Вдруг крик прорезал предутреннюю тишину: «Война началась!» Это первый секретарь горкома прибежал будить девчат. Город горел, кругом раненые, танки немецкие шли грозной лавиной, и все горожане добровольно встали на защиту родной земли.

Так 22 июня 1941 г. в 6 часов утра Евдокия Сукач с подругами оказалась на большой войне, на реке Буг. Нежная и хрупкая девушка, самая молодая из своих подруг, 17-летняя медсестра увидела своими глазами весь ужас первых часов, дней и недель войны. Германия, осуществлявшая натиск на Восток, буквально громила, крошила, испепеляла русскую землю. Рвались снаряды, кругом было черным-черно от дыма и грязи, земля сливалась с небом — всюду смерть и страдания. И еще суматоха, неразбериха.

Велели отступить к Бресту, но Брест был уже занят немцами, направили на Ковель, но пришлось идти на Сарны песками, болотами. Пришли — а это была железнодорожная узловая станция, там — земля, вода — все горит, кругом — пули трассирующие... Евдокия

впервые увидела неразорвавшиеся немецкие снаряды и бомбы — какие они огромные вблизи! С горечью смотрели, как через станцию Ракитино идут в Германию составы с нашей, советской, пшеницей... Горечь смешивалась с яростью, с желанием отомстить.

То, что увидела отличница учебы, дипломница, юная медсестра Евдокия на поле боя, никак не вязалось с тем, что она не раз слышала на лекциях. А ведь до войны у нее уже был достаточный опыт работы операционной сестрой! Вот раненый молоденький солдат. Белый, абсолютно белый, как полотно, — таких людей и не бывает. Разорвала Евдокия гимнастерку, глянула — и обомлела: нет грудной клетки, вырвана разорвавшимся снарядом, только сердце оголенное бьется! Вдруг оно остановилось. Тронула его медсестра рукой — снова забилось.

— Сестричка, жить буду!

— Будешь, будешь...

— Дай водички...

И пока Евдокия доставала фляжку, открывала пробку — боец умер. Сколько ни бралась теперь за сердце отчаявшаяся девушка — оно уже не билось.

— Никогда я даже и предположить не могла, что могут быть такие раны. А солдат тот, столько лет уже прошло, все перед глазами.

Однажды, в октябре, когда было уже холодно, в небе появились наши маленькие самолеты, а вслед за ними мессершмитты. Зенитчики начали обстрел, и это было ошибкой. Налетели фашистские бомбардировщики, словно небо затмили стаи ворон, и началась бомбежка. Нас в медсанбате было 380 человек, а осталось 15. Повезли раненых в Полтаву, подъехали, а город все бомбят и бомбят...

Как-то однажды после боя пошла собирать медальоны убитых. Наклонилась над солдатом, вытащила медальон — и вдруг прямо над ней раздалось:

— Фрау, штейн! Хенде хох!

«Наши шутят», — подумала Евдокия. Но, присмотревшись, поняла: немцы!

— У меня в шинели, в скрутке, две гранаты было. Я левша, а гранату обычно бросают, поднимая правую руку. Я левой тихонечко достала и бросила в сторону фашистов, а сама помчалась к березе — там яма вырыта для продуктов. Вдруг откуда ни возьмись немецкий танк и прямо на меня идет. Я бежала и, падая, скатилась в яму. Танк прошел сверху.

А после Евдокия узнала, как наши солдаты, наблюдавшие за сценой из окопа, пошли к березе, чтобы откопать и похоронить девушку. Откопали — живая! — достали и отправили отдыхать на трое суток. Что еще только не довелось испытать Евдокии в военном лихолетье!

Поехали на лошадях в Чусово узнать о вражеской дислокации, а заодно и мост взорвать. А как там взорвешь — немцы, как муравьи, мост со всех сторон облепили! Пробрались к лесной заимке, вошли, открыла бабушка, взглянула на молоденькую медсестру и заголосила:

— Ой, ой, зачем же тебя только сюда привезли?! Немцы тут... Ой-ой...

38-я армия, Юго-Западный фронт. Эта армия приняла на себя самое тяжелое бремя начала войны: нахождение в тылу врага, горечь отступления. Все силы, тысячи жизней отдавали ее солдаты для Отечества.

1943 год...

Так уж получилось, такое было время, что оказались выжившие в этой адской мясорубке герои высланными с театра боевых действий. Такое было время, такая политика: если убит — герой, а выжил в тылу врага — значит, враг.

Так оказалась Евдокия в далекой Сибири, в Мариинском госпитале, где отработала семь лет. Писала Сталину — дело обещали пересмотреть. Всегда верила в справедливость и лучшую жизнь, верила власти и Сталину.

— Умер Сталин, — вспоминала Евдокия, — и у меня все умерло. Пришло время — получила справку о реабилитации. И все жила надеждой на лучшее.

Я не встретила ни одного человека в нашем поселке, кто бы не отозвался о ней теплыми и добрыми словами. Летом в ее саду пышным цветом и тонким ароматом благоухали желтые и алые розы, и нарядные вышивки радовали глаз всех проходящих в ее дом. Она любила музыку, у нее богатая фонотека самых разных инструментальных мелодий. До своего отъезда продолжала лечить людей, спешила на помощь к тем, кто в этом нуждался. Многие жалеют, что Евдокия Даниловна Иващенко переехала в Кемерово. Ведь и сейчас, в свои 80 лет, она радовала окружающих своим обаянием. Как принцесса из сказочного замка, сумела пронести эта удивительная женщина сквозь десятилетия свою красоту, не остудить добро и благородное сердце.